

ЕНИСЕЙСКІЙ

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Еженедѣльный церковно-общественный журналъ.

Подписка принимается въ редакціи: г. Красноярскъ, Воскресенская ул., д. Покровской церкви.

Цѣна годовому изданію съ доставкой и пересылкой ПЯТЬ Р. 50 К.

Голосъ церкви.

Чрезвычайно интересно, какъ поступитъ митрополитъ Флавіанъ съ докладомъ Кіевского духовенства о свободѣ печати. Этотъ отнынѣ знаменитый докладъ — первое за всю эпоху нашей революціи мужественное выступленіе церкви, глубоко прочувствованное и касающееся самой смрадной язвы времени. Еврейская печать въ первыя педѣли какъ-бы оцѣпенѣла отъ ярости. Она пыталась замолчать Кіевскій докладъ и, не успѣвъ въ этомъ, набросилась съ оглушительнымъ гвалтомъ на пресвященнаго Аганита, предѣдательствовавшаго въ пастырскомъ собраніи, и на все собраніе. Осторожно обходя ужасный для нихъ смыслъ доклада, ни однимъ словомъ не касаясь доводовъ, еврейскіе газетчики пробуютъ по обычной тактикѣ своей заплевать, загадить, зачернить грязью ту важную истину, которую Кіевское духовенство предлагаетъ вниманію государства. Любопытно, какъ поступитъ съ докладомъ митрополитъ старѣйшей въ Россіи святительской кафедры. Вступитесь ли онъ за попираемую у насъ свободу духа и сумѣетъ ли убѣдить Святѣйшій Синодъ предстательствовать передъ Верховной властью о необходимости борьбы съ преступнымъ словомъ?

Дѣлаетъ большую честь Кіевскому духовенству то, что оно возбудило этотъ коренной вопросъ смуты. Нѣтъ сомнѣнія, пастырскія собранія и другихъ областей Россіи выскажутся по тому же поводу. Въ виду этого позволительно остановиться на Кіевскомъ докладѣ. Если есть у насъ государственные люди, если не совѣмъ заглохла въ нихъ тревога передъ надвигающеюся гибелью страны, они должны на этотъ разъ внимательно прислушаться къ голосу церкви.

„Современная печать, — говоритъ докладъ, — въ зна-

чительной своей части, стала проводникомъ мыслей противорелигіозныхъ, противохристіанскихъ, противоцерковныхъ, противогосударственныхъ, противообщественныхъ, безнравственныхъ. Безбожіе, кощунство и даже богохульство пронагандируются въ ней открыто и безнаказанно. Такая печать разлагаетъ семью, общество и государство; она возбуждательница и главная виновница революціонныхъ неистовствъ и всѣхъ тѣхъ ужасовъ, какіе переживаетъ несчастная родина наша послѣдніе годы. Опасность отъ такой печати неизмѣримо велика, такъ какъ народъ нашъ, по своей простотѣ и совершенной политической незрѣлости, не умѣетъ разбираться въ ней и вѣритъ всякому печатному слову, тѣмъ болѣе, что лѣвая печать идетъ подъ знаменемъ народной свободы и сулитъ ему все, чѣмъ только можно увлечь и сбить съ толку довѣрчивую темную массу. Общія народу несбыточныя блага, она только раздражаетъ его и будитъ въ немъ худшіе инстинкты, толкая на путь мятежа, всякаго рода насилій и убійствъ.

„Столь же пагубно влияніе этой печати и на учащуюся молодежь. Яль жи политическаго разврата, развращенія и безбожія отравляетъ и уже отравилъ многихъ: высшая школа разложилась, средняя — на пути къ разложенію. Грустно и страшно сказать! Юноши, даже мальчики и дѣвочки, мнятъ себя спасителями отечества и для блага, будто бы, будущихъ поколѣній, съ браунингами и бомбами въ рукахъ разрушаютъ общее благосостояніе, являясь жестокими палачами и убійцами иначе мыслящихъ. И все вообще, подъ влияніемъ такой печати, путаются въ понятіяхъ и фактахъ, сбиваются съ истиннаго пути жизни, раздѣляются на партіи, взаимно озлобляются и ожесточаются. Такимъ образомъ культивируется вражда и смертельная не-

ненависть даже между тѣми, кто должны бы быть и были ранѣе братьями по крови, по вѣрѣ и по всему историческому прошлому.

„Скорбя о такомъ растлѣвающемъ вліяніи печати, вытравляющей религіозную вѣру, любовь къ Богу, церкви, родинѣ, благоговѣніе предъ святыней и страхъ Божій, а также уваженіе къ Верховной Власти и вообще власти, къ пастырямъ церкви, родителямъ и наставникамъ, колеблющей и разрушающей все, на чемъ зиждется порядокъ, миръ, благосостояніе и самая жизнь отдѣльныхъ лицъ государства, пастыри Кіевской епархіи считаютъ своимъ священнымъ долгомъ отмѣтить этотъ, угрожающій русской церкви и государству, фактъ и просить власть имущихъ пересмотрѣть законы о печати, внести въ эти законы поправки и измѣненія въ томъ смыслѣ, чтобы свобода печати не превращалась въ свободу распространять зло.“

Неправда ли, сама истина говоритъ устами Кіевскихъ пастырей. Нужно было при нынѣшнемъ еврейскомъ террорѣ не малое безстрашіе, чтобы осмѣлиться высказать публично такое отношеніе къ преступной печати. Но Кіевскіе пастыри во главѣ съ епископомъ Агапитомъ очевидно идутъ на это: ужь если Христосъ былъ ослѣванъ и поруганъ евреями, то духовенству недостойно бояться еврейскихъ поруганій. Духовенству Кіевского, какъ бы апостольскаго престола (ибо согласно преданію, въ Кіевѣ проповѣдывалъ Андрей Первозванный) подобало первому отмѣтить главную опасность, надвигающуюся на христіанство, опасность извращенной проповѣди, опасность преступнаго вырожденія слова, съ котораго свѣтскій законъ снялъ все преграды. Въ самомъ дѣлѣ, что такое христіанское благовѣстіе, какъ не свобода слова, въ благороднѣйшемъ ея смыслѣ? Но слова великаго, вышедшаго изъ устъ Божіихъ. И вотъ эта проповѣдь добра и правды, начатая Христомъ, продолжаемая апостолами и священниками, встрѣчается съ другою проповѣдью, съ пропагандой преступленій, съ пропагандою дьяволизма, самаго безпримѣснаго, — подъ знаменемъ однако тѣхъ же высокихъ словъ. На бѣдное наше христіанство, давно разстроенное униженіемъ церкви, нахлынуло наводненіе какъ бы другой религіи, черной, какъ смерть. Оцѣните состояніе искренно-вѣрующихъ пастырей. Они чувствуютъ себя тонущими, какъ Петръ во время бури. Въ апостольскомъ призваніи имъ видимо не совладать съ черной проповѣдью. Церквей въ Россіи какихъ-нибудь волсотни тысячъ, да и тѣ заперты обыкновенно шесть дней въ недѣлю. А газетныхъ листовъ, брошюръ, прокламацій — миліоны,

и они проникаютъ въ самую толщу народную. Еврейскій листокъ, отравленный жгучей ненавистью и подслащенный громкими фразами, не исчезаетъ, какъ голосъ священника. Листокъ остается, къ нему возвращаются, его передаютъ изъ рукъ въ руки. Пропаганда зла получаетъ громадныя преимущества предъ проповѣдью добра — въ лицѣ тѣхъ немногихъ пастырей, которые на эту проповѣдь способны.

Великое изобрѣтеніе, начавшее новые вѣка, — книгопечатаніе — вооружило зло несравненно болѣе, чѣмъ добро. Дурныхъ людей гораздо больше, чѣмъ хорошихъ; при одинаковыхъ средствахъ проповѣди первые естественно берутъ верхъ. Уже при самомъ появленіи книгопечатанія опасность пропаганды зла чувствовалась и заставила создать особое учрежденіе — цензуру. Принято проклипать цензуру, и въ самомъ дѣлѣ нельзя помянуть ее добромъ. Однако въ своемъ замыслѣ она была вовсе не тѣмъ, что ей приписываетъ наше невѣжество. Цензура была призвана не гасить свѣтъ чело-вѣческой мысли, а отстаивать его яркость отъ наплывающей безсмыслицы. Въ старину понимали, что печатаніе доступно не только героямъ, но и негодьямъ, и такъ какъ гении и герои количественно исчезаютъ въ неизмѣримо-огромной толпѣ непросвѣщенной черни, то безцензурная печать должна неминуемо повести къ страшной вульгаризаціи публичнаго слова, къ торжеству зла. Цензура въ своемъ замыслѣ напоминала культъ Весты, береженіе неугасаемаго огня, безупрочной чистоты духа. Если плохая цензура не выполнила своей роли, то это еще не рѣшаетъ вопроса о хорошей цензурѣ. Даже при всей слабости своей это учрежденіе на Западѣ и у насъ приносило извѣстную пользу. Что цензура очень часто приносила и серьезный вредъ, — это, конечно, вѣрно, но вредъ все поминать, а польза давно забыта. Между тѣмъ на небольшое число великихъ мыслей, что цензура по своей ошибкѣ пыталась задержать, — какое множество задерживалось ею мыслей пошлыхъ и вздорныхъ, отравленныхъ злобой, зараженныхъ вреднымъ безуміемъ! Задержать бѣдственное наводненіе умовъ этой грязью была великая услуга, и если бы цензура продолжала ее оказывать, то цензуру слѣдовало бы сохранить. Къ сожалѣнію, великія въ своемъ замыслѣ учрежденія часто извращаются до обратныхъ цѣлей. Вслѣдствіе упадка регулирующаго начала — власти, цензура кончила тѣмъ, что наложила оковы на мысль героическую и гениальную и совершенно разнуздала подлую и бездарную умственную производительность черни.

Многіе — кончая Л. Н. Толстымъ — указывали на опасность книгопечатанія, но на нашей памяти явилось

свое великое изобрѣтеніе, совершенно затмившее собою скромное дѣло Гутенберга. Явилось скоропечатаніе, которое возвысило все неблагопріятныя послѣдствія свободнаго слова въ кубъ. Книгопечатаніе по своей громадности и дороговизнѣ все еще удерживало письменность на благородной высотѣ. Въ старыя времена пужно было написать нѣчто, стоящее вниманія лучшихъ людей, чтобы книга оунилась. Скоропечатаніе же, вмѣстѣ съ фабрикаціей крайне плохой и потому дешевой бумаги, сдѣлало публичное слово доступнымъ всеѣмъ, но тутъ вотъ и выступило роковое свойство массъ. „Все“ оказались въ подавляющемъ большинствѣ ниже культуры, ниже выработаннаго культурой ума, ниже выработанной религіей совѣсти, ниже вкуса, выработаннаго аристократіей вообще. Съ распространеніемъ грамотности тотчасъ создалась смертная умственная атмосфера. Если въ древности имѣли право жизни лишь лучшія книги, называвшіяся священными, то теперь ихъ тѣсный кругъ задавленъ и засыпанъ, какъ Геркуланумъ и Помпея, неисчислимымъ множествомъ листовъ ежедневно извергаемой сѣрой, смрадной — и часто жгучей некультурной печати.

Россія поставлена въ этомъ смыслѣ въ наиболѣе опасное положеніе. Въ западныхъ странахъ, гдѣ евреевъ сравнительно очень мало, печать еще не слишкомъ развращена. Худшіе люди, „чернь“, и тамъ вытѣсняють таланты и умы, но чернь на Западѣ все-же несетъ на себѣ остатки древняго національнаго духа, т. е. именно той культуры, которую выражали священныя книги. Тамъ есть сдержка, есть нѣкоторая дисциплина, примиримая со свободой. У насъ не то. У насъ не только „значительная часть“, какъ говорятъ Кіевскіе пастыри, но подавляющее большинство печати — въ рукахъ опаснаго племени. Потерявшая національное чутье бюрократія наша вырвала изъ слабыхъ рукъ своихъ ключъ ко власти — проповѣдь моральныхъ идей, и этимъ ключомъ живо воспользовались враждебныя и чуждыя намъ элементы. Соединившись съ отбросами русскаго общества, евреи создали ту самую преступную прессу, въ которой Кіевское духовенство видитъ корень смуты. И дѣйствительно въ ней — если не корень развившейся до сумасшествія озлобленности, то — орошеніе этого корня.

Низкіе инстинкты свойственны людямъ; они всегда были и будутъ. Секретъ цивилизаціи лишь въ томъ, чтобы держать эти инстинкты постоянно связанными, безплодными, какъ зерно, посаженное въ сухую почву. Преступная печать еврейская, все эти мелкіе, грошо-

вые, рассчитанные на чернь безчисленные листки не столько сѣютъ зло, сколько орошаютъ его. Ежедневно, какъ заботливый садовникъ, еврейскіе типографскіе станки поливаютъ невѣжественныя умы пастросіемъ отравленнымъ, возбуждающимъ умственные судороги, мучительныя въ тѣсныхъ лбахъ. Наша высокопоставленная власть не видитъ народа. Она не заботится объ его питаніи. Она не знаетъ, какою гадостью кормятъ народъ въ закусокныхъ, какою мерзостью пичкають воображеніе народное черезъ маленькія газетки въ безчисленныхъ пивныхъ, портерныхъ подвалахъ, чайныхъ, почлежныхъ домахъ. Пролетаріатъ городской и деревенскій нынче почти сплошь грамотенъ; къ уровню именно низкихъ понятій и жестокихъ страстей поддѣбывается революціонный юдаизмъ. Итегъ сплошное обученіе многомиліонной пролетарской массы, сплошное воспитаніе ея въ анархическихъ настроеніяхъ. Вотъ серьезная государственная бѣда, и въ самомъ дѣлѣ голосъ Кіевскихъ пастырей поднимается во-время. Повѣрьте, что если другіе священники и другіе благонамѣренные граждане молчатъ, то не потому, чтобы они не чувствовали пропасти, къ которой мы идемъ.

Но какъ же быть? — воскликнетъ растерянная наша государственность. — Неужели отнимать свободу слова, только-что данную? Въль свобода слова — устой конституціи. Неужели отнимать конституцію?

На эти растеряныя рѣчи хочется сказать: Да полно же! Будемъ же, наконецъ, понимать то, что мы говоримъ. „Свобода“ слова, — да! Вы прекрасно дѣлаете, желая сохранить ее, но гдѣ же она, эта „свобода?“ Она на бумагѣ, она въ благихъ намѣреніяхъ основныхъ законовъ. На дѣлѣ нѣтъ этой свободы. На дѣлѣ установилась еврейская тиранія слова, самая постыдная, какая была когда-нибудь у насъ. Установилась мѣстами гнуснѣйшій терроръ печати. Попробуйте, если вы не согласны съ полдюжиной еврейчиковъ, заявить свое убѣжденіе. Сейчасъ же на васъ набрасывается въ ихъ газетахъ собачья стая и подвергаетъ травлѣ, буквально травлѣ. Въдѣ множество вѣрныхъ родичѣ русскихъ людей уже погибли жертвой этой травли. Преслѣдуютъ не однихъ обывателей, осмѣлившихся сказать еврею наперекоръ. Преслѣдуютъ представителей государственной власти, сживаютъ ихъ со свѣту. У меня лежитъ матеріаль о преслѣдованіи лѣвой печатью одного весьма выдающагося вице-губернатора, который еще живъ, но напечатанный въ газеткѣ приговоръ надъ нимъ вотъ-вотъ исполнится. Если бы государственная власть поразспросила несчастныхъ губернаторовъ, генераль-губернато-

ровъ и многихъ „правыхъ“ дѣятелей объ ихъ жизни въ глуши, она поняла бы, что это за каторга дышать въ этой ежедневно отравливаемой атмосферѣ злости, низости, подстрекательства, подметныхъ статей, неуловимыхъ для преслѣдованія, и подметныхъ писемъ. Бомбу въ концѣ-концовъ взрываетъ не динамитъ, а именно эта накапливаемая тщательно удушливая мечь бунтарской печати, ея преступное вліяніе на чернь. Неужли, скажите по совѣсти, это — „свобода“ мысли, конституціонная свобода печати? Напротивъ, именно свобода слова у насъ растоптана на первыхъ же порахъ, и долгъ власти возстановить ее, обезпечивъ отъ преступленій слѣва. Безуміе думать, что гражданская „свобода“ состоитъ въ свободѣ зла. О какихъ бы свободахъ ни шла рѣчь, во всѣхъ случаяхъ подразумѣвается свобода добра. Правительство не можетъ, не возбуждая бунта, разрѣшить одинаково добро и зло: только первому долженъ быть данъ просторъ, — со вторымъ же оно должно вести непрерывную и беспощадную борьбу. Это — функція власти. Не выполняя ее, она не власть.

То, что церковь замѣтила „неизмѣримо-великую опасность,“ — не дѣлаетъ чести свѣтскому правительству. Оно, казалось бы, обязано видѣть собственными глазами ту мерзость, что такъ громко воніеть къ небу. Потворство для всѣхъ очевидной, явно вредной, безусловно губельной пропаганды зла заставляеть множество простыхъ русскихъ людей спрашивать въ отчаяніи: когда же конецъ этому? *М. Меньшиковъ.*

Льтопись церковной и общественной жизни.

Печать всѣхъ отбѣлковъ и направленій, за исключеніемъ самыхъ крайнихъ органовъ, единогласно признаеть, что надъ русской революціей уже пора поставить крестъ.

Кончину революціи и даже невозможность ея возникновенія въ будущемъ засвидѣтельствовалъ и такой безпристрастный мыслитель, какъ графъ Л. Н. Толстой. Въ своемъ обращеніи „Къ политическимъ дѣятелямъ“ онъ пишетъ: „...Въ наше время въ европейскомъ мірѣ никакое серьезное возстаніе не можетъ организоваться. Этого могутъ не видѣть революціонеры-соціалисты, руководимые отсталыми преданіями и увлеченные борьбой, ставшей для нѣкоторыхъ опредѣленной профессіей, но не могутъ не видѣть всѣ люди, свободно смотрящіе на историческія событія.“

Однако, несмотря на несомнѣнную кончину революціи и краткость ея существованія, слѣды ея еще не

скоро сотрутся съ лица нашей русской земли, а судороги долго будутъ еще видны и осязательны для русскаго общества.

Однимъ изъ самыхъ глубокихъ и ужасныхъ слѣдовъ, оставленныхъ нашей революціей, является озвѣрѣніе людей, появленіе не одной, а сотенъ личностей, для удовлетворенія кровожадности которыхъ нѣтъ никакихъ границъ и предѣловъ. Въ нихъ проснулось не только чисто животныя чувства, не сдерживаемыя ни божескими, ни человѣческими законами, но проснулись такія чудовищныя потребности, какихъ мы не сыщемъ ни въ одномъ самомъ дикомъ и жестокомъ животномъ. Въ сущности, выраженіе „озвѣрѣлые“ люди не подходитъ къ такимъ порожденнымъ революціей субъектамъ, ибо звѣрь, животное никогда не можетъ быть такимъ жестокимъ, какъ безумно жестоки стали люди, о поступкахъ которыхъ ежедневно сообщаютъ газеты изъ всѣхъ уголковъ Россіи.

Грабежи и разбои, почему-то именуемые теперь экспроприаціями, никогда не прекращались. Временами они то усиливались, то ослаблялись, въ зависимости отъ разныхъ причинъ, настолько точно и обоснованно установленныхъ статистиками преступленій, что даже извѣстна средняя цифра, ниже которой не падала скала преступленій. Но только теперь, непосредственно велѣдъ за революціоннымъ угаромъ, кривая преступленій такъ стремительно поднялась вверхъ, а сами преступленія приняли такой ужасный и безмысленный характеръ, что объясненіе этого явленія слѣдуетъ искать не въ извѣстныхъ уже намъ причинахъ, а только въ революціи.

Достаточно прослѣдить за хроникой происшествій въ теченіе одной недѣли, чтобы убѣдиться въ безмысленности большинства преступленій. Увѣчаютъ и убиваютъ не только съ цѣлью грабежа, что еще было-бы понятно, особенно, если принять во вниманіе ту массу безработныхъ, какою кишать сейчасъ всѣ болѣе или менѣе населенные пункты, но убиваютъ просто такъ. Въ „Словѣ“ приводится число жертвъ эпидеміи освободительнаго движенія. Картина получается ужасающая.

Съ февраля 1905 г. — съ первой Думы до іюня 1907 г. — роспуска второй Думы жертвъ „травматической эпидеміи“ убито, ранено и казнено 44,020 человекъ! Изъ нихъ убито 19,144, ранено 20,704 и казнено по суду и самосуду 2,381 ч. Изъ послѣдней цифры, къ сожалѣнію, не видно, сколько именно казнено по суду. Изъ окраинъ первое мѣсто, разумѣется,

занимаетъ Кавказъ—7,394 ч., а за нимъ Прибалтійскій край съ Финляндіей—4,929 ч. Львиная доля этой цифры относится, конечно, къ Прибалтійскому краю. Пострадалъ больше всего народъ, но представители власти и капитала дали внушительную цифру въ 8,203 ч. Въ этомъ числѣ на долю войскъ и полиціи приходится 3,158 жертвъ, на тюремныя власти—112. Изъ высшихъ властей пострадало 148 ч., изъ нихъ 4 министра и члена Государственнаго Совѣта и 83 ген.-губернатора, губернатора, вице-губернатора и генерала.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается страшный упадокъ въ народѣ нравственности. Вотъ интересное наблюдение. „Мой братъ, говорилъ одинъ почтенный писатель, живетъ почти безвыѣздно въ одномъ уѣздѣ Тульской губерніи и знаетъ хорошо сосѣднихъ крестьянъ. Они стали, по его словамъ, совершенно неузнаваемы и невозможны. Это стали другіе люди, непохожіе на тѣхъ, какими онъ зналъ ихъ раньше. У нихъ не осталось ничего стятаго, у нихъ нѣтъ ни чувства стыда, ни совѣсти. Кругомъ по уѣзду произошло нѣсколько пожаровъ помѣщичьихъ усадебъ, подожженныхъ крестьянами же. Мужики, бабы, парни, дѣвки,—все ѣздили съ телѣгами на эти пожары, грабили что только могли и увозили къ себѣ по домамъ. Это дѣлали отцы съ дѣтьми, матери съ дочерьми. И раньше крестьяне-старрики всегда жаловались на молодежь, что парни безобразничаютъ, но теперь мужики говорятъ, что съ молодежью никакого сладу нѣтъ, что для молодыхъ парней нѣтъ никакого закона.

Почтенный писатель правъ; когда родители вмѣстѣ съ дѣтьми идутъ на грабежъ, это показываетъ ужасный періодъ народной жизни, гибель святости семьи. Отецъ передъ сыномъ старается быть лучше, чище, благороднѣе; отецъ въ крестьянской семьѣ, вернувшись въ избу съ улицы, перестаетъ ругаться, видитъ своихъ дѣтей и не желая, чтобы они повторили его слова. Но когда отецъ съ сыномъ идутъ на грабежъ подожженной усадьбы, это показываетъ, что Богъ далеко отъ нихъ, что святость отношеній исчезла.

Одна скромная англичанка, пріѣхавшая воспитательницей въ Россію, сказала мнѣ очень наивную фразу, но, если вдуматься, не совсѣмъ смѣшную.

— У васъ въ Россіи оттого такая революція, убійства и грабежи, что никто не ходитъ въ церковь. Меня очень удивляютъ русскіе джентльмены и леди, что они находятъ время для всего, но не найдутъ двухъ часовъ времени въ воскресенье, чтобы пойти

вмѣстѣ съ дѣтьми помолиться. Оттого Богъ и наказываетъ вашу страну. Развѣ это не правда? Я спрашивала всѣхъ моихъ новыхъ русскихъ знакомыхъ и оказалось, что никто изъ нихъ не ходитъ въ церковь, а тамъ бываютъ только мужики. А развѣ можетъ мужикъ уважать джентльмена, когда онъ знаетъ, что по воскресеньямъ онъ съ нимъ не встрѣтится въ церкви.

Рѣчь англійской барышни была бы смѣшна, „когда бы не было такъ грустно.“ Кто у насъ ходитъ въ церковь? Только „черносотенцы?“ Трудно себѣ представить передового кадета или социаль-демократа, чтобы они соблюдали посты или ставили передъ иконами свѣчи. Но и среди людей умѣренныхъ и скромныхъ какъ мало лицъ, которыя вспоминали бы религію и Бога не только „въ минуту жизни трудную,“ — въ черный день.

Лѣтомъ, попавъ въ воскресенье въ глухую деревню, въ 20 верстахъ отъ Тосны, я пошелъ въ церковь. Она была наполовину пуста. Съ лѣвой стороны стояли женщины въ ярко-зеленыхъ, желтыхъ и крашенныхъ платьяхъ и маленькія дѣвочки. Съ правой стороны, гдѣ обыкновенно должны стоять мужики, стояли одиноко два старика. Ни парней, ни мужиковъ не было. Что же это значить? Неужели и деревня идетъ за интеллигенціей и отворачивается отъ религіи? Или Русь уже не „святая?“ Гдѣ же хранится то православіе, которое спаяло нашу несобьятную великую родину?

Тѣ женщины, старухи, бабы, дѣвушки, которыя, несмотря на пьянство, грабежи, убійства, продолжаютъ ходить аккуратно въ церковь, молиться, причащать дѣтей, уносить изъ храма Божьяго облегченное и просвѣтлѣвшее сердце,—не онѣ-ли еще берегутъ въ себѣ этотъ свѣтъ церкви, чтобы въ семьѣ, наставляя дѣтей, стараясь ихъ направить на лучшій путь, возродить намъ лучшее поколѣніе, лучшихъ людей болѣе стремящихся къ правдѣ, добротѣ, чистотѣ въ жизни.

Пока женщины еще дорожатъ религіей, пока онѣ наполняютъ храмы, — Русь еще „святая“: женщины сэберегутъ русскую семью, русскихъ дѣтей. Послѣ, съ теченіемъ времени, подростая, мальчикъ попадетъ въ лапы социаль-демократовъ, которые будутъ ему внушать, что тактика выше книжной морали, и что убійство казначея ради пополненія товарищеской кассы, — вещь похвальная и достойная гражданина. Но, быть можетъ, молитвы матери спасутъ кой-кого отъ „това-

рищескаго“ подстрекательства, и юноша отшатнется отъ убійства, грабежа и злодѣйства.

Жить безъ нравственности, безъ Бога не можетъ ни одно общество. Та святость семьи, которая заставляетъ отца учить своего ребенка всегда говорить правду, а дѣтей—почитать родителей, та святость пробьется сильнымъ и чистымъ потокомъ и въ общественныя отношенія.

(„Россія.“)

Дѣло обновленія и оздоровленія нашей родины—въ рукахъ самого общества. Никакія строгости и мѣропріятія сами по себѣ не въ состояніи умиротворить страну. Отъ самого общества зависитъ продлить или сократить тѣ бѣды, которыя волнуютъ и тревожатъ нашу жизнь.

Русская печать.

А. И. Соловьевъ въ „Газ. Правыхъ“ даетъ достойную отвѣдь не безызвѣстному еврею въ клубѣ арх. Михаилу.

Въ рядахъ союза русскаго народа и русскаго собранія, стоящихъ за вѣру, царя и отечество, находятся выдающіеся представители православнаго духовенства: митрополиты: Московскій—Владиміръ и Кіевскій—Флавіанъ, архіепископы: Казанскій—Димитрій, Вольскій—Антоній, епископы: Саратовскій—Гермогенъ, Вологодскій—Никонъ, Тавричскій—Алексій, Тамбовскій—Иннокентій, Тобольскій—Антоній, Орловскій—Серафимъ, Можайскій—Серафимъ, Томскій—Макарій, Астраханскій—Георгій, Пермскій—Никаноръ, Нижегородскій—Назарій, Екатеринбургскій—Владиміръ и проч. и проч., протоіерей Іоаннъ Кронштандтскій и многіе другіе архіепископы и епископы, многіе видные общественные дѣятели и имъ подобные служители Господа нашего Іисуса Христа и такого рода членовъ и дѣятелей союза русскаго народа, союза, который самъ царь назвалъ своей „надежной опорой,“ еврей—монахъ, находящійся подъ запрещеніемъ, осмѣлчивается порицать.

Нельзя, конечно, винить союзъ, если въ число его членовъ вошли люди неискренніе—это возможно, но чтобы назвать всѣхъ членовъ союза сумасшедшими, ворами, мошенниками, плутами и дураками, то это я уже считаю гнусною клеветою и преступленіемъ противъ союза и противъ всего народа. Союзъ состоитъ, какъ извѣстно и архимандриту Михаилу, большею частью изъ простаго трудящагося русскаго народа, до сихъ поръ не продававшаго своего отечества ни оптомъ, ни въ розницу, народа Богоносца, не знающаго всякой нечисти, присосавшейся къ русской землѣ. Сплачивается православный русскій народъ въ союзъ по повелѣнію Государя Императора, объединяется для того, чтобы

очистить землю русскую отъ паразитовъ, развѣдающихъ ее. Мошеникъ, плутъ, воръ тотъ, кто далъ клятву предъ Престоломъ Господа служить вѣрою и правдою Богу, Царю Самодержавному, Отечеству и этого не исполняетъ, а присоединяется къ партіямъ, приносящимъ вредъ русскому народу, а не русскіе люди, защищающіе свои вѣковые устои. И такъ „недоносокъ“ въ вѣрѣ Христовой, возьми клевету и ложь, возведенную тобою на русскій народъ, себѣ, такъ какъ ты учился на гроши народа, припесенные на свѣчку въ храмъ Божій. Вѣрна русская пословица: „не кормишь—врага не наживешь.“

Да, сыны Израиля и подъ рясою останутся тѣми же паразитами.

Официальная хроника Енисейской епархіи.

Указомъ Св. Синода отъ 22 сентября с. г. за №11172 въ селеніи Мигнинскомъ при Петро-Павловской церкви Минусинскаго уѣзда открытъ самостоятельный приходъ въ составѣ деревень: Бараксанской и Ново-Троицкой съ причтомъ изъ священника и псаломщика; на содержаніе сего причта назначено отъ казны жалованья по пятисотъ двадцати пяти рублей въ годъ, въ томъ числѣ священнику 400 руб. и псаломщику 125 руб. съ отнесеніемъ сего расхода, со дня назначенія причта, на счетъ кредита, ассигнуемаго изъ казны на содержаніе городского и сельскаго духовенства.

Вакантныя священническія мѣста.

Ачинскаго уѣзда, въ с.с. Ильинскомъ, Корниловскомъ, Ататскомъ, Даурскомъ.

Канскаго уѣзда, въ с.с. Новосельскомъ, Бородинскомъ, Вершино-Рыбинскомъ (новый прих.).

Красноярскаго уѣзда, въ с.с. Миндерлинскомъ, Кукуновскомъ, Устюжскомъ.

Минусинскаго уѣзда, въ с.с. Паначевскомъ, Сосновскомъ, Салбинскомъ, Тигрицкомъ, Каратузскомъ, Табатекомъ (новый прих.), Мигнинскомъ (новый приходъ).

Енисейскаго уѣзда, въ с.с. Каменскомъ, Мокрушенскомъ, Дубчетскомъ, Алтатскомъ, Усть-Кемскомъ, Стрѣловскомъ, Маковскомъ.

Діаконскія.

Ачинскаго уѣзда, въ с.с. Балахтинскомъ, Назаровскомъ.

Канскаго уѣзда, въ с.с. Конторскомъ.

Минусинскаго уѣзда, въ с.с. Лугавскомъ, Казанцевскомъ, Курагинскомъ, Бѣлоярскомъ.

И с а л о м щ и ч е с к і я .

Канскаго уѣзда, въ с. Вершино-Рыбинскомъ (новый приходъ).

Красноярскаго уѣзда, въ с. с. Съдельниковскомъ, Сухобузимскомъ.

Минусинскаго уѣзда, въ сс. Екатерининскомъ, Синявинскомъ, Табатскомъ (нов. приходъ), Мигнинскомъ.

Енисейскаго уѣзда, въ селѣ Пановскомъ, Бѣльскомъ, Комскомъ, при Енисейскомъ Богоявленскомъ соборѣ.

Туруханскаго края, въ селѣ Тазовскомъ.

Въ 1906 году присоединены къ православію: января 15 крестьянинъ деревни Мало-Кнышенской Климентъ Борисовъ Александровъ, состоявшій въ расколѣ Австрійскаго противокружнаго согласія, 29 лѣтъ, съ оставленіемъ его прежняго имени Климентъ; Марта 26 Кнышенской волости, деревни Казанско-Богородской крестьянскій сынъ Григорій Ивановъ Брагинъ, состоявшій въ расколѣ Австрійскаго противокружнаго согласія, 16 лѣтъ 2-хъ мѣсяцевъ съ оставленіемъ его прежняго имени Григорій; Апрѣля 1, Кнышенской волости, деревни Мало-Кнышенской крестьянинъ Іоаннъ Яковлевъ Кирѣевъ, состоявшій въ расколѣ Австрійскаго противокружнаго согласія, съ оставленіемъ прежняго его имени Іоаннъ, 25 лѣтъ.

Юля 20, Пинчугской волости, деревни Пинчугской крестьянская дѣвица Марія Васильева Слабница, состоявшая въ расколѣ Австрійскаго согласія, 19 лѣтъ, съ оставленіемъ ея прежняго имени Марія и іюля 29, Пинчугской волости, деревни Пинчугской крестьянки Маріи Васильевой Слабницей дочь Наталья 10 мѣсяцевъ, Австрійской секты, съ сохраненіемъ ея прежняго имени Наталья.

С П И С О К ъ

личнаго состава служащихъ въ Красноярской духовной семинаріи въ 1907 году.

1. Ректоръ семинаріи, кандидатъ богословія, протоіерей Николай Петровичъ Асташевскій. Имѣеть орде-

на Св. Владиміра 3 ст. и Св. Анны 2 ст. Въ 1874 г. окончилъ курсъ наукъ въ Казанской духовной академіи и опредѣленъ преподавателемъ логики психологии, начальныхъ основаній и краткой исторіи философіи и дадактики въ Томскую духовную семинарію; 1874—1897 г.г. состоялъ членомъ педагогическаго собранія Правленія семинаріи; 1880—1897 г.г. преподавалъ педагогику въ Томской Маріинской женской гимназіи; 1883—1889 г.г. состоялъ членомъ распорядительнаго собранія семинарскаго правленія; 1884—1890 г.г. былъ дѣлопроизводителемъ Томскаго епарх. училищнаго совѣта; 22 августа 1897 г. назначенъ ректоромъ Красноярской духовной семинаріи съ возведеніемъ въ санъ протоіерея въ безбрачномъ состояніи; временно преподавалъ въ Красноярской духовной семинаріи библейскую исторію въ 1897—1899 г.г., основное богословіе въ 1898—1899 г.г., догматическое богословіе, въ 1899—1900 г.г., нѣмецкій языкъ, въ 1901 г., церковное пѣніе въ старшихъ классахъ семинаріи въ 1900—1901 г.г., во всѣхъ классахъ семинаріи съ ноября 1903 г. по ноябрь 1904 г. и съ ноября 1905 г. по сентябрь 1906 г. Преподаетъ свящ. Писаніе въ VI классѣ семинаріи съ 16 августа 1900 г., состоялъ съ 1898 г. товарищемъ предсѣдателя совѣта Братства Рождества Пресвят. Богородицы въ г. Красноярскѣ и съ 30 января 1903 г. состоитъ предсѣдателемъ того-же совѣта; состоитъ предсѣдателемъ Енисейскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта съ 13 декабря 1897 г., цензоромъ Енисейскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей съ 15 декабря 1897 г.; членомъ Енисейскаго Епарх. комитета православнаго миссіонер-общества и членомъ Енисейскаго отдѣленія Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества съ 1898 г. предсѣдателемъ хозяйственнаго строительнаго комитета по постройкѣ каменныхъ зданій для Красноярской духовной семинаріи съ 1 іюня 1900 г.; состоитъ предсѣдателемъ Правленія общества св. князя Александра Невскаго для вспоможенія нуждающимся учащимся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ г. Красноярска съ 7 іюня 1902 года.

(Продолженіе слѣд.)

„СУСАНИНЪ“

газета политическая и литературная,

органъ Красноярскаго отдѣла „Союза Русскаго Народа.“

Выходитъ въ Красноярскѣ два раза въ недѣлю по разнообразной программѣ.

Девизъ газеты—слова великаго Ивана Сусанина: „Страха не страшусь! смерти не боюсь, лягу за Царя, за Русь.“

ЦѢНА ГАЗЕТЫ: на годъ 3 руб. 60 к., на полгода 2 руб., на 3 мѣсяца 1 руб. 5 к. и на 1 мѣс. 40 коп.

Подписка открыта.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Красноярскъ, Губернская типографія.

ЛУЧШІЕ ВЪ РОССІИ КОЛОКОЛА ЦЕРКОВНЫЕ

завода Н. А. Бакулева—Н-цы.

Существуетъ съ 1758 года

у представителя для Сибири и Урала Ксенофонта Соколова въ Челябинскѣ.

Ручательство за звуки и неразбиваемость колоколовъ. Подборъ полного церковнаго звона производится по камертону.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА.

Доставка во все мѣста, а по жел. д. по удешевленному тарифу, т. е. по 1 к. съ пуда за 100 вер. Имѣются на складѣ всегда готовые колокола разнаго вѣса завода Бакулева, завода Торгов. Дома Гилева С-вья и завода Мишина.

Колокола въ 1000 пуд. и болѣе могутъ быть отлиты на мѣстахъ заказовъ.

Полуторовѣковое существованіе завода Бакулева съ его огромной практикой позволило ему выработать единственный сплавъ колокольной бронзы и формы и размѣры колоколовъ наиболѣе благозвучныхъ, суроведливо считающихся по силѣ и пріятности звука лучшими по всей Россіи.

Адресоваться съ запросами и заказами: г. Челябинскѣ, представителю заводовъ Приуралья К. А. СОКОЛОВУ. Заводъ Бакулева отливалъ между прочимъ колокола— въ слѣдующія мѣста на Уралѣ: г. Екатеринбургѣ—къ церкви св. Іоанна Злотоуста въ 1015 пуд.; г. Кунгурѣ—двухъ церквей по 1000 пуд.; на заводѣ Нижне-Тагилѣ—къ церкви Входа-Іерусалимской—въ 632 пуда; тамъ же, къ Введенской—въ 511 пуд.; въ заводѣ Н.-Туринскій—въ 312 пуд.; въ заводѣ Н.-Оргинскій—звонъ въ 314 пуд.; г. Соликамскѣ—въ 332 пуд.; г. Сольвычегодскѣ—въ 942 пуд.; г. Пермь—къ Богородской церкви—500 пуд.; въ с. Острожино-Охонс. у.—въ 300 пуд.; с. Чернавское, Охонск. уѣзда—300 пуд.; с. Арамилъ, Екатеринбургскаго у.—въ 300 пуд.; г. Барнаулѣ—къ Богородской церкви звонъ въ 825 пуд.; г. Казань—въ пустынь—въ 441 пуд.; къ Единовѣрческой церкви—въ 500 пуд.; къ церкви Сошествія Св. Духа—въ 600 пуд. (звонъ); къ Покровской церкви—въ 246 пуд.; къ Богоявленской—въ 200 пуд.; къ Владимірскаго—въ 400 пуд. и мног. друг.

Самые ближайшіе заводы для заказчиковъ Сибири и Урала.

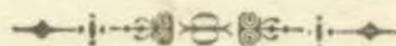

Представитель для Приамурскаго, Забайкальскаго, Туркестанскаго, Иркутскаго и Омскаго Округовъ

въ г. Омскѣ.

Сергѣй Дмитріевичъ Поповъ.

Колокольно-литейнаго завода Арсенія Матвѣевича МИНИНА въ г. Уфѣ.

Съ 1-го Января 1903 года въ г. Омскѣ открыта постоянная контора для приѣма заказовъ на отливку колоколовъ и переливку разбитыхъ или обмѣнъ ихъ на новые всѣвозможныхъ вѣсовъ.

Имѣются на складѣ въ большомъ выборѣ готовые колокола, заводъ, находясь вблизи къ Округамъ, имѣетъ возможность изготовлять заказы безъ замедленія, и изъ лучшаго сплава колокольной бронзы, сильныхъ и пріятныхъ звуковъ, съ ручательствомъ за ихъ музыкальные голоса и прочность, на что имѣются масса благодарственныхъ отзывовъ.

Цѣны отъ 10 ф. до 2 п. 20 ф. по 22 руб за пудъ, отъ 3 до 5 п. по 19 руб. пудъ, отъ 7 и болѣе по 18 руб 50 к. за пудъ. языки отъ 1 ф. до 10 ф. по 25 к. за фунтъ, а болѣе по 8 руб. за пудъ, на провозъ разбитыхъ и новыхъ представлять свидѣтельства Духовныхъ Консисторій льготнаго тарифа по 1 к. съ пуда за 100 верстъ и указаніи ближайшихъ къ мѣсту назначенія пароходныхъ пристаней или желѣзнодорожныхъ станцій.

Разрочка допускается на 1 годъ съ представленіемъ законнаго долгового обязательства.

ВЪ ЗАДАТОКЪ ОДНА ТРЕТЬ СТОИМОСТИ ИЛИ РАЗБИТЫЕ КОЛОКОЛА.

Льщу себя надеждою, что г. г. заказчики не откажутъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ.

Адресовать прошу г. Омскѣ, Бутырскій форштадтъ, Екатерининская улица, домъ № 37, СЕРГѢЮ ДМИТРІЕВИЧУ ПОПОВУ.